

отдавали постоянно часть своего заработка. Во время голодовок, повальных падежей скота и т. под., они смѣло обращались за помощью къ владѣльцу или управляющему, и тотъ всегда удовлетворялъ ихъ просьбамъ и давалъ имъ все необходимое. Нерѣдко случалось даже, что баринъ давалъ живописцамъ „на поправку“ изъ своего лѣса деревьевъ для иконъ или для хатъ. Теперь же, когда „порвалась цѣпь великая“, связывавшая интересы барина съ интересами крестьянъ, борисовцы почувствовали себя несравненно хуже прежняго, потому что не стало у нихъ прочной опоры, въ лицѣ барина, и утративши ее, борисовцы не приобрѣли для себя взамѣнъ этого рѣшительно ничего другаго, потому что главное благо, которое даровано было помѣщичьимъ крестьянамъ манифестомъ 19 февраля, у нихъ и безъ того было почти во всей своей полнотѣ и во время крѣпостнаго права. Значитъ, крестьянская реформа внесла въ ихъ жизнь, съ точки зрѣнія экономической, скорѣе минусъ, чѣмъ какую-нибудь положительную величину. Для другой стороны жизни—стороны нравственной и умственной реформа эта также имѣла, по видимому, отрицательное значеніе. Въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій существованія крѣпостнаго права, изъ среды борисовцевъ вышло нѣсколько замѣчательныхъ личностей, имена которыхъ извѣстны далеко за предѣлами Борисовки и даже Курской губ. Положимъ, въ этомъ дѣлѣ главную роль игралъ скорѣе случай, чѣмъ сознательное участіе тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ въ тѣ времена находились судьбы Борисовки. Обстоятельства были таковы: графы Шереметевы издавна завели у себя въ Петербургѣ хоръ пѣвчихъ, въ который набирали мальчиковъ изъ своихъ имѣній, преимущественно же изъ Борисовки, которая всегда славилась хорошими голосами. Изъ этихъ мальчиковъ наиболѣе талантливые нерѣдко пробивали себѣ широкій путь къ извѣстности. Таковъ, напр., извѣстный композиторъ и регентъ придворной капеллы Ломакинъ и піанистъ Игнатьевъ. Нѣкоторые изъ этихъ пѣвчихъ, когда спадаль у нихъ голосъ, поступали по призванію въ академію художествъ и здѣсь съ успѣхомъ оканчивали

курсъ. Владѣльцы—нужно имъ отдать въ этомъ справедливость—не стѣняли въ этомъ отношеніи своихъ крестьянъ и не требовали съ нихъ выкупа, какъ это практиковалось обыкновенно тогда (см. ст. Лѣтковой—Крѣпостная интеллигенція, въ „Отечеств. Зап.“, 1882 г.). Изъ такихъ борисовцевъ, кончившихъ курсъ въ академіи художествъ по отдѣлу живописи, назовемъ Игнатьева, Гавенко и Хвостенко. Всѣ названные здѣсь нами имена относятся, повторяемъ, къ послѣднему 30-лѣтнему періоду существованія крѣпостнаго права, къ 30—60 годамъ настоящаго столѣтія. Если сравнить въ этомъ отношеніи съ указаннымъ періодомъ послѣднее 25-лѣтіе переживаемое теперь нами, то выводъ окажется далеко не въ пользу его, такъ какъ за послѣдніе 25 лѣтъ только одинъ борисовецъ побывалъ въ академіи художествъ, это—А. Г. Сидоренко, да и тотъ пробылъ въ ней лишь самое короткое время—всего, кажется, 3—4 мѣсяца, по прошествіи которыхъ принужденъ былъ выйти оттуда по недостатку денежныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, отмѣна крѣпостнаго права была первымъ ударомъ, который нанесла иконописному промыслу исторія. Вторымъ ударомъ для него, ударомъ еще болѣе сильнымъ и чувствительнымъ, было проведеніе желѣзныхъ дорогъ, которые, съ одной стороны, понизили стоимость издѣлій на мѣстныхъ и южныхъ рынкахъ, съ другой—уничтожая лѣса и способствуя тѣмъ ихъ вздорожанію, увеличили стоимость производства. Слѣдствіемъ этого было то, что (промыселъ началъ) такъ сказать, „размѣниваться на мелкіе“ и демократизироваться. Въ прежнее время иконописное производство было удѣломъ лишь немногихъ, болѣе зажиточныхъ дворовъ, которые, изготовляя иконы, сами же на своихъ лошадахъ и отвозили ихъ на чужіе рынки. Г. Ванинъ, доставившій намъ свѣдѣнія объ этомъ производствѣ, говоритъ, что „прежде живописцевъ было въ 20 разъ меньше, чѣмъ теперь“. Но отъ увеличенія контингента производителей, замѣчающагося въ настоящее время, производство нисколько не выиграло, ни со стороны матеріальной, ни технической. Напротивъ, какъ въ томъ, такъ и въ